

УДК 94(571.6)

Филинов Андрей Владимирович

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В
ПРЕДДВЕРИИ МАНЬЧЖУРСКОГО КРИЗИСА (1925–1931)

Аннотация: В статье, в том числе на основе архивных и опубликованных документов рассматриваются некоторые аспекты внутривнутриполитических мероприятий, проводившихся руководством СССР на советском Дальнем Востоке после восстановления дипломатических отношений с Японией в феврале 1925 г. и вплоть до начала маньчжурского кризиса в сентябре 1931 г.

Ключевые слова: политические репрессии, Промпартия, ОГПУ, разукрупнение, индустриализация, коллективизация, переселенческая политика, еврейская автономия, советский Дальний Восток, маньчжурский кризис.

Filinov Andrey Vladimirovich

POLITICAL REPRESSIONS, SOCIO-ECONOMIC FEATURES AND CONSEQUENCES OF
INDUSTRIALIZATION AND COLLECTIVIZATION IN THE SOVIET FAR EAST ON THE
EDGE OF THE MANCHURIAN CRISIS (1925–1931)

Abstract: The article, including on the basis of archival and published documents, examines some aspects of the internal political activities carried out by the leadership of the USSR in the Soviet Far East after the restoration of diplomatic relations with Japan in February 1925 and until the outbreak of the Manchurian crisis in September 1931.

Key words: political repression, Prompartiya, OGPU, disaggregation, industrialization, collectivization, resettlement policy, Jewish autonomy, Soviet Far East, Manchurian crisis.

Как уже ранее отмечалось исследователями, одной из главных проблем советского Дальнего Востока, как в рассматриваемый период, так и позднее, являлось обеспечение данной территории рабочими кадрами вследствие слабой заселенности и низкой плотности населения. Эта ситуация представляла угрозу не только из-за роста международной напряжённости, но и поскольку сковывала развитие промышленности и сельского хозяйства региона [10, с. 134].

Однако отнюдь не следует связывать начало активного переселения на Дальний Восток исключительно с внешнеполитической обстановкой. Присутствовавшее уже в дореволюционный период стремление

оптимизировать распределение рабочей силы в масштабах всей страны было в данном случае очевидным. С 1925–1926 гг. Всесоюзный переселенческий комитет финансировал план размещения новых переселенцев, в том числе и на Дальнем Востоке. К нему добавлялось столь характерная для большевиков национально-территориальная политика, которая привела, в частности, к попыткам обеспечить еврейское население собственной территорией.

Вначале с этой целью обсуждался Крым, но, в конце концов, еврейская автономная территориальная единица (здесь правильнее говорить – еврейский национальный район, поскольку статус автономной области был получен лишь в 1934 г.) [6, с. 164], была создана в 1928 г. в районе Биробиджана на Дальнем Востоке [4, с. 217]. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, доля евреев в населении Еврейской автономной области составляла в 1926 г. лишь 6,5%, а в 1930 г. – 7,2% [9, с. 83].

С другой стороны, со временем стало ясно, что огромные по площади, населению и числу районов единицы административно-территориального деления СССР были плохо управляемы, и поэтому встал вопрос о разукрупнении краев. Процесс разукрупнения начался постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. о ликвидации округов с 15 августа того же года. Позднее, в октябре 1932 г. в составе Дальневосточного края были образованы 4 области (Амурская, Камчатская, Приморская, Сахалинская). Самостоятельный статус получил Нижне-Амурский округ (г. Николаевск-на-Амуре) [13, с. 135].

Изменения административно-территориального деления были не единственными политическими последствиями, в том числе осложнения международной обстановки. Среди других было возрастание числа политических заключённых, что позволяло понемногу удовлетворять потребность промышленности в рабочих руках в рамках индустриализации. Вполне закономерно, что в 1928 г. ОГПУ раскрыло «контрреволюционную вредительскую организацию» московского клуба горных деятелей, а в 1930 г. Зейско–Алданский окружной отдел дальневосточного полпредства ОГПУ «обнаруживает» филиал этой организации в Зейском главном приисковом управлении, и возникает «Дело о контрреволюционной вредительской и шпионской организации в золотопромышленности ДВК». В 1930 г. в Москве прошел процесс над Промпартией, разоблачивший «организованное вредительство» в промышленности, а в следующем году филиалы этой же «Промпартии» «выявляют» и на Дальнем Востоке [5, с. 82].

Из материалов архивно-следственного дела следователи ОГПУ усмотрели, что зарождение «контрреволюционной военно-диверсионной, шпионско-вредительской организации» на морском транспорте

Тихоокеанского бассейна произошло в 1925 г. на основании директив японского генерального штаба, местного и краевого центров «Промпартии», а также Московской контрреволюционной ЦУМОРовской (Центральное управление морского транспорта Наркомата путей сообщения) организации. Формирование этой организации якобы началось в середине 1929 г., и численность её, с учётом сети мелких военно-диверсионных ячеек на объектах морского транспорта Тихоокеанского бассейна достигла 154 человек[2, с. 42]. Лишь в 1956 г. президиум Приморского краевого суда прекратил дело за недоказанностью предъявленного обвинения[2, с. 48].

Другим способом пополнения числа заключённых были репрессии в отношении крестьянства. Этой проблематике, в том числе охватывающей период до начала маньчжурского кризиса, посвящены некоторые исследования[11, с. 98–101]. Закономерным ответом на подобные действия становились случаи народных выступлений, в том числе вооружённых, против насильственного насаждения колхозного строя. Советские авторы крайне негативно характеризовали попытки некоторых жителей Дальнего Востока бороться против политики коллективизации в регионе. В частности, оперируя терминами вроде «недобитые враги Советской власти внутри страны», И.И. Петров и В.И. Катунцев указывают, что в марте 1930 г. в Шкотовском районе Приморья вспыхнуло вооружённое восстание, возглавляемое кулаком с. Романовки А. Куксенко. Историки с воодушевлением отмечают, что сотрудникам ОГПУ, разумеется, с помощью местного населения удалось подавить восстание, и сожалеют лишь о бегстве «главаря банды» за кордон[7, с. 70].

Судя по данным, хотя и за первую половину (не ранее 1 июля) следующего, 1931 г., подобные вышеописанным случаи проявления социальной напряжённости и недовольства населения Дальнего Востока своим положением, хотя и не носили массового характера, но всё же не могут быть отнесены к единичным и незначительным[3, с. 491–493]. Современные исследователи более взвешенно подходят к оценке реакции местного населения на политику коллективизации, отмечая, что политические кампании на селе, сопровождавшиеся усилением административного нажима на крестьянство, закономерно вызывали ответное сопротивление[1, с. 121].

Проблемы и последствия сельскохозяйственной политики в СССР в целом и на Дальнем Востоке в частности интересовали не только советских руководителей, но и иностранные спецслужбы вместе с военными ведомствами. Это подтверждает содержание дешифрованного ОГПУ рапорта под заголовком «Коллективизация сельского хозяйства и оборона России», который шведский военный атташе в Москве майор Вергрэн в апреле 1930 г.

направил начальнику королевского министерства обороны. В своём докладе майор делал вывод о том, что «успешное проведение в жизнь коллективизации русского сельского хозяйства и рациональное использование выгод коллективизации для военных целей, существенно увеличивает базу для развёртывания военной мощи Советского Союза». По мнению военного атташе, «на этот факт должны обратить внимание, в первую очередь, соседние с Россией страны»[8, л. 201]. Соседние страны действительно обращали внимание, в том числе и на указанные шведским военным атташе факты, что постепенно приводило к восприятию советским руководством этих государств как источника военной угрозы.

Одной из главных проблем советского Дальнего Востока в указанный период оставалась низкая плотность населения, что служило препятствием, как для экономического развития края, так и для организации оборонительных мероприятий. Однако до конца 1931 г., т.е. до момента, когда Япония стала восприниматься как реальная военная угроза, очевидно, что советское руководство больше волновала чисто экономическая сфера. Именно поэтому развитием Дальневосточного региона высшие советские руководители стали заниматься ещё до начала маньчжурского кризиса. При этом, хотя приоритетное направлением и являлось совершенствование тяжёлой промышленности и сельского хозяйства, но особенное внимание, например, ВПК, стало уделяться лишь после маньчжурского инцидента.

В то же время экономическое развитие Дальнего Востока требовало увеличения количества рабочих рук, в связи с чем предпринимались усилия по стимулированию миграции в регион некоторых национальных меньшинств, например, евреев. Однако количество переселявшихся и в абсолютных цифрах, и в процентах всё равно оставалось мизерным, даже несмотря на создание автономной еврейской административно-территориальной единицы в Биробиджане. Последний факт отражал ещё одну трудность – не только освоения, но и управления огромными по площади территориями. Для разрешения этой задачи территории разукрупнялись, в основном путём ликвидации округов и создания областей.

Рабочих рук на советском Дальнем Востоке хронически не хватало из-за значительной удалённости и слабой освоенности региона, проблем с жильём и снабжением. Поэтому недостаток людских ресурсов лишь отчасти восполнялся трудом принудительного (заключённые) характера. Однако чтобы широко использовать труд заключённых, компенсируя ими нехватку свободных рабочих рук, их нужно было сначала сделать таковыми. Этого советские лидеры достигали с помощью проведения политических

репрессий, оснований для которых было более чем достаточно – необходимость подавить недовольство населения издержками коллективизации и индустриализации, стремление переложить вину за провалы в реализации этих социально-экономических процессов на мнимых «врагов» и «вредителей» и т.д.

Тем более, что советская элита всё больше опасалась открытого военного столкновения, ход которого могло осложнить непростое положение в тылу. Чтобы укрепить тыл, идеологически сплотить население, необходимо было настроить его против общего врага, желательно, внешнего. Поэтому в большинстве дел, сфабрикованных в этот (и последующий) периоды ОГПУ (НКВД), если и фигурируют советские граждане, то обязательно в роли иностранных шпионов, диверсантов, саботажников, действующих чаще всего не самостоятельно, а по указанию в том числе, японской разведки.

При этом подобные обвинения чаще всего использовались против населения городов. Относительно крестьян репрессии больше основывались на социально-экономических мотивах – стремлении центральных и местных властей подчинить крестьянство, ослабить наиболее независимых и богатых из них, обеспечить экономическую базу для проведения индустриализации. Всё вышеописанное вполне предсказуемо приводило к возникновению случаев сопротивления коллективизации, в том числе вооружённого. Советское руководство пыталось дискредитировать их участников, пропагандистски напирая на «антинародный» и «узкоклассовый» характер выступлений и состав участников. При этом достаточно очевидно, что протест против раскулачивания являлся закономерным ответом на насилие со стороны властей, учитывая, что дальневосточное крестьянство было достаточно зажиточно и свободолюбиво. Тем не менее, после публикации знаменитой статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов», а также применения советскими лидерами жёстких мер для подавления недовольства, такие случаи хотя и имели место в будущем, однако массового распространения в дальнейшем всё же не получили.

Процесс коллективизации привлёк к себе внимание соседних с СССР стран и не только на Дальнем Востоке. Это внимание, зачастую проявлявшееся в деятельности разведок, не только подогревало опасения советских лидеров относительно возможности грядущей войны, но и давало пищу для организации новых политических процессов и репрессий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Астанина Е.А.* Отношение дальневосточного крестьянства к политике коллективизации (начало 1930-х гг.). // Региональные проблемы. – 2011. – Т. 14. – № 2. – С. 117–122.
2. *Деревянко А.П.* Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1930-е гг. // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920–1950-е гг.: Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – С. 33–59.
3. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. – М.: Политиздат, 1989. – 526 с.
4. *Дюллен С.* Уплотнение границ: К истокам советской политики. 1920–1940-е – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 416 с.
5. *Иващенко В.А.* Кампания по борьбе с «вредителями» на Дальнем Востоке в конце 1920-х – начале 1930-х гг. как способ удержания региона в едином политическом пространстве сталинского СССР. // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. статей. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – С. 81–84.
6. *Обетковский Н.А.* Плановое переселение на Дальний Восток в годы Советской власти (1925–1940 гг.) // Вопросы истории и социологии Дальнего Востока. – Благовещенск, 1972. – С. 158–171.
7. *Петров И.И., Катунцев В.И.* На тихоокеанских рубежах. – Владивосток: Дальневост. изд-во, 1990. – 607 с.
8. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 19. Д. 13.
9. *Рыбаковский Л.Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет. – М.: Наука, 1990. – 138 с.
10. *Филинов А.В.* Красноармейское переселение как один из методов мобилизации советского Дальнего Востока в 1925–1931 гг. в преддверии маньчжурского кризиса (1931–1935 гг.) // Электронный журнал Сибирский архив. – 2021. – № 1 (7). – С. 132–140.
11. *Филинов А.В.* Массовые депортации и сопротивление населения политике коллективизации на Дальнем Востоке в условиях нарастания маньчжурского кризиса (1931–1933 гг.). // Реалии и иллюзии советского общества накануне Великой Отечественной войны: Материалы международного научно-практического форума. – Брянск: ЦИОГНИС, 2017. – С. 97–103.
12. *Филинов А.В.* Особенности переселенческой политики на советском Дальнем Востоке в 1925–1931 гг. в преддверии маньчжурского кризиса (сентябрь 1931 – март 1935 гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XX Междунар. науч. конф. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. – С. 778–783.
13. *Шинин О.В.* Особенности внутреннего положения и политического развития Дальнего Востока СССР в 1922–1941 гг. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2005. – № 11. – С. 132–138.

УДК 930.23

Черниловский Артем Александрович

ТЕОРИЯ ВОЙНЫ И ПРОГНОЗ БУДУЩЕГО ИЗРАИЛЬСКОГО ИСТОРИКА МАРТИНА ВАН КРЕВЕЛЬДА

Аннотация. В статье излагается концепция войны современного израильского историка М. ван Кревельда. Этот исследователь подверг критике учение Клаузевица, считая его устаревшим. Израильский автор делает вывод о будущем отмирании государства и наступлении нового феодализма.